PG 3447
.V8R6

РОМАНЪ МОЕЙ МАТЕРИ.

Е. ВОРОНОВОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КЕСНЕВИЛЯ.

1865.

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

Class _____

Book _____

YUDIN COLLECTION

Voronova, E
Roman moej materi

РОМАНЪ МОЕЙ МАТЕРИ.

РАЗСКАЗЪ.

.... Зимніе вечера соединяли наше семейство въ большую, голубую гостиную нашего стараго, деревенскаго дома; въ моей памяти живо рисуется эта мрачная, холодная комната съ старинными зеркалами во всѣхъ простѣнкахъ, съ симетрически разстановленною старомодною мебелью и двумя портретами большаго размѣра, придававшими ей еще болѣе мрачности.

Первый изъ нихъ, бросающійся въ глаза прямо при входѣ въ голубую гостиную и отражающійся во всѣхъ ея зеркалахъ, изображалъ моего дѣда, отца моей матери, храбраго генерала Суворовскихъ временъ; очень рѣдкіе волосы нигдѣ не закрывали его высокаго, смуглаго лба; подъ густыми бровями блестѣли большіе, голубые глаза; носъ большой, съ двумя горбами загнутый къ низу, какъ у орла, соединялъ по моему больше неправиль-

PG 3447
V8R6

ности, чѣмъ всѣ остальныя черты лица дѣда, не говоря естественно о ртѣ, измѣнившемъ, съ потерею зубовъ, первобытную форму и нижняя губа котораго, немного выдавшаяся впередъ, придавала физіономіи дѣда выраженіе надменности чуждой ему.

Другой портретъ въ круглой, позолоченной рамкѣ, старинной работы, изображалъ мою бабку, мать моей матери и былъ одинъ вѣрный изъ всѣхъ ея портретовъ, неудававшихся Богъ вѣсть почему: потому ли, что выраженіе лица оригинала быстро мѣнялось и ускользало изъ-подъ кисти художниковъ, или художники были плохи и, кисть не хотѣла слушаться ихъ. Бабка моя славилась своею наружностью, но къ сожалѣнію одинъ ея вѣрный портретъ перешедшій къ потомству, засталъ ее далеко за предѣлами цвѣтущей поры ея красоты и представлялъ ее ужъ почтенною старушкою въ темно-гранатовой бархатной шубкѣ, подъ которой видпѣлись ея сухія, прозрачныя руки поразительной формы и бѣлизны и въ ночномъ, батистовомъ, вышитомъ чепчикѣ съ густыми оборками, совсѣмъ закрывавшими ея лобъ и виски. Лицо моей бабки могло бы служить богатымъ источникомъ назидательныхъ размышленій тому, кто ихъ любитъ, такъ разрушительно прошла рука времени по его нѣкогда тонкимъ и правильнымъ чертамъ, оставивши нетронутыми только носъ продолговатый и правильный и большіе, какъ уголь черные, блестящіе глаза, — странные глаза потому, что они являлись совершенною неожиданностью въ этомъ блѣдномъ лицѣ, исхудаломъ и покрытомъ морщинами и — потому, что выраженіе ихъ непокорялось никакому опредѣленію, — такъ много противорѣчій заключало въ себѣ оно.

Къ этимъ двумъ портретамъ обращались нерѣдко съ тихою грустью, глаза моей матери, во время нашихъ

вечернихъ бесѣдъ и подъ ихъ вліяніемъ былъ разсказанъ намъ сю небольшой романъ прошедшей жизни. Романъ этотъ передъ вами, взятый изъ жизни совершенно вамъ чуждой, разсказывающій вамъ о понятіяхъ и нравахъ отставшихъ отъ васъ почти—что на столѣтіе. Небраните-жъ его за то, что гость непрошенный, онъ не кстати является вспоминать между вами:

Дѣла давно-минувшихъ дней
Преданье старины глубокой.

Съ тѣхъ поръ, какъ я стала знать самое себя, мы все жили въ деревнѣ; говорили, мнѣ помнится, что я и родилась въ этомъ огромномъ домѣ, гдѣ прожили безвыѣздно почти вплоть до замужества. Не знаю, кѣмъ изъ предковъ моихъ возведено это странное, мрачное, причудливое зданіе напоминавшее своими башнями, готическими окнами, темными переходами неприступные замки, рыцарскихъ временъ уцѣлевшій фундаментъ еще напоминаетъ огромные размѣры этой постройки, сдѣланной вѣка за два назадъ и вмѣщавшей въ себѣ три огромныхъ этажа, изъ которыхъ каждый могъ ужъ составить помѣстительный домъ: въ верхнемъ жила мать моей матери, моя добрая бабка, слабая, дряхлая, слѣпая старушка съ своей любимою карлицею Фенею; нижній этажъ занимала прислуга: въ немъ помѣщались прикащикъ Лаврентьичъ съ супругою своею Ариною Кузминичною, довѣренною ключницею покойницы матушки, камердинеръ отца, старшій поваръ Ѳома и картавая собесѣдница бабушки, сплетница Власьевна, сокращавшая своею болтовнею длинныя, безсонныя ночи старушки; тутъ помѣщались контора, писарь и множество швей работало въ пяльцахъ, подъ руководствомъ бѣдной дворянки, проживавшей у насъ въ

качествѣ компаніонки и помощницы матушки. Средній этажъ былъ исключительно занятъ нашимъ семействомъ: оно состояло изъ отца, матери, трехъ моихъ братьевъ, меня и сестры постарѣе меня. Впрочемъ, братья мои вступили очень рано въ военную службу и были у насъ очень рѣдкіе гости являясь налетомъ и рѣдко всѣ вдругъ.

Все, что я знаю объ исторіи жизни отца и матери моей, такъ несложно и просто, что безъ труда разскажется въ немногихъ словахъ: Отецъ мой былъ сынъ заслуженнаго воина, сложившаго голову на бранномъ полѣ, онъ оставилъ сыну славное имя и обремененное долгами имѣніе, которое было, какъ водится, продано съ публичнаго торга. Не вѣдаю рѣшительно дальнѣйшихъ событій изъ жизни отца : вообще не разговорчивый, онъ не любилъ особенно вспоминать это время изъ собственнаго прошлаго, быть можетъ потому, что вспоминать дурное, по моему, что вновь его переживать лѣтъ въ 17-ть-18-ть, онъ былъ ужъ въ Петербургѣ и поступилъ на службу подъ начальство Суворова.

Служилъ, пока служилось, дрался храбро въ сраженіяхъ, пока, утомленный трудами и годами, не вышелъ въ отставку съ грудью пробитой пулей на вылетъ и украшенной генеральскою звѣздою. Мать моя была дочь богатаго помѣщика. Романъ ея знакомства, ея брака съ отцомъ, мнѣ вовсе неизвѣстенъ; а впрочемъ едва ли и крылся тутъ романъ. О влеченіи сердецъ, о любви, да о страсти не гадали, не думали въ то блаженное время; тогда души роднились посредствомъ привычки, — любовь неизбѣжно являлась за бракомъ, а гнѣ ее не было, тамъ долгъ прехладнокровно замѣнялъ ея мѣсто.

Не знаю, какъ прошла весна ихъ брачной жизни : я

еще была совершеннымъ ребенкомъ, когда ужъ мой отецъ былъ почти также старъ, какимъ онъ изображенъ на этомъ портретѣ и когда моя мать облеклась въ эту теплую, широкую шубку и скрыла морщины подъ густыми оборками неуклюжаго чепчика; но ежели судить по концу о началѣ, то эта жизнь прошла мирно и ровно, безъ особенныхъ печалей, безъ слишкомъ яркихъ радостей. Очень понятно, что въ жизни отца, исключительно отданной служебныхъ дѣламъ, жена не могла занять большаго мѣста, но это обстоятельство, на которомъ воображеніе жены нашло времени, непрѣмѣнно построило бы цѣлый романъ, прошло не замѣченныхъ въ глазахъ моей матери во все время ея 30-ти лѣтней супружеской жизни; мужъ ея былъ честенъ, не пилъ, не моталъ, не стѣснялъ ея воли, въ ея распоряженіи собою и домомъ, сносилъ терпѣливо неравности права ея, подъ-часъ-таки задорнаго: чего-жъ больше для счастія положительной женщины, какою была мать и вообще всякой женщины съ такимъ складомъ ума?

По отставкѣ отца и по вступленіи моихъ братьевъ на службу, родители мои поселились въ деревню, гдѣ, взростивъ и пристроивъ меня и сестру, легли мирно въ могилу подъ кровъ ими же воздвигнутой и отстроенной церкви. Пошли Господь всѣмъ намъ подобную жизнь и подобный конецъ!

Ну, да нѣтъ, намъ не жить такъ, какъ жилось въ то время; стало больше ума, да счастье какъ-то вовсе повывелось на свѣтѣ! Хоть бы мои покойники, о чемъ было имъ думать, чего было желать? Домъ — полная чаша, всѣхъ сдѣланныхъ запасовъ, въ полвѣка не прожить; владѣнія тянулись на нѣсколько уѣздовъ, гумны ломились подъ тяжестью скирдовъ; луга, лѣса, заводы, все въ цвѣтущемъ порядкѣ, все въ широкихъ

размѣрахъ! И какъ просто жилось среди всего довольства, проще насъ мелкихъ сошекъ, проживпшхся дворянъ въ нашихъ полу-чужихъ, полу-своихъ имѣніяхъ? Прислуги было много: душъ подъ двѣсти съ излишкомъ въ различныхъ должностяхъ, при господской усадьбѣ, но вся эта прислуга жила и изживала свою праздную жизнь въ одеждѣ и обуви домашняго издѣлія; чистокровныя лошади впрягались въ рыдваны прадѣдовскихъ временъ; въ домѣ мебель простой и топорной работы еще помнила свадьбу моей столѣтней бабки; въ сервировкѣ стола, въ пріемахъ и въ выѣздахъ все тоже отсутствіе щегольства и изящества, все та же простота; по прежнему обычаю все видное и цѣнное хранилось въ сундукахъ: одно хлѣбосольство гуляло вольною волюшкою, покуданесложило буйную голову, на развалинахъ нравовъ радушной старины!

И въ другихъ отношеніяхъ, жизнь тоже шла иначе: вставали съ пѣтухами, послѣ сытнаго завтрака, обѣдали въ 12-ть часовъ же въ 9-ть-10-ть все въ домѣ крѣпко спало, только лампады теплились вездѣ передъ иконами, да огонекъ горѣлъ тамъ на верху у бабушки всю ночку на пролетъ. Въ воскресные дни вставали еще раньше, чай пили вмѣстѣ съ завтракомъ, отстоявши обѣдню, и вообще каждый праздникъ старались проводить чинно скромно и набожно. Въ посты постились тоже безъ всякихъ послабленій: строже были къ себѣ, и силъ-то было больше. Взглянули-бъ вы на матушку, какъ, несмотря на годы, управлялась она со всѣмъ своимъ огромнымъ и сложнымъ хозяйствомъ. И то, правду сказать, — жила жила на свѣтѣ и во всю свою жизнь одинъ лишай сносила, да и тотъ золотушный. Отецъ? Ну, разумѣется, штыкъ и пуля не шутятъ, однако-жъ, несмотра на все пережитое, отецъ мой былъ еще очень

бодрый старикъ, онъ держалъ камердинера только такъ, для прославія, но до глубокой старости, самъ брился, умывался, самъ стлалъ себѣ постель; всегда съ утра одѣтый въ походномъ сюртукѣ, онъ, несмотря на непогодь, отправлялся гулять, потомъ, по возвращеніи пилъ привычную порцію березовой настойки и тогда ужъ садился на любимое мѣсто у средняго окна нашей длинной гостиной, гдѣ проводилъ дни, читая газету и пуская дымокъ изъ коротенькой трубочки съ янтарнымъ мундштучкомъ. Въ домашнее хозяйство онъ вовсе не мѣшался и даже иногда былъ не прочь покутить на матушкинъ счетъ и подразнить старуху, отзываясь презрительно обо всѣхъ мелочахъ, столь важныхъ въ ея мнѣніи, и въ самомъ дѣлѣ важныхъ, что-тамъ ни говорите. Подобныя сцены были очень забавны, и вспыльчивый нравъ матушки выступалъ очень ярко въ сравненіи съ насмѣшливымъ хладнокровіемъ отца.

— Что это ты, бабушка, смотришь совою? обращался онъ къ матушкѣ, аттакуя по русски врасплохъ, безъ предисловія.

— Сова? у васъ всѣ совы: сердиться-то не стоитъ.

— Ну, само собой разумѣется, что не стоитъ заправду.

— Это правда по вашему, равнять жену съ совою, и со всякою дрянью? Да, впрочемъ, какъ подумаешь, вѣдь вамъ только и дѣла!

— Ну, а тебѣ, бабушка, куда бы, какъ хотѣлось, чтобъ и я какъ и ты суетился вѣкъ цѣлый и все изъ алтына?

— Алтынъ! изъ-за алтына! Вы Бога не боитесь! Къ прошедшему празднику одной ветчины на три тысячи продано....

— Знаю, бабушка, знаю: весь третьегодичный ячмень

въ нее всадила; ужъ нечего сказать, набралась барышей!

— Ну, я дура конечно, отдаю безъ разбора рубловое за грошъ. Спорить только не хочется, а вывесть вашу ложь на чистую воду, куда бы какъ не трудно: стоитъ только сослаться на Арину Кузминичну, Степаниду Петровну....

— Короче на всю сволочь! перебивалъ отецъ, давая гнѣву матушки другое направленіе.

— Ну, сволочь, пусть и сволочь. Вы одни хороши, умны, совершенны: почему-жъ не порочить дѣвушку бѣдную, притомъ же сироту, которая мнѣ служитъ съ особеннымъ усердіемъ и по силѣ возможности бережетъ мой покой?

— Ужъ бережетъ, я думаю! Такая корова!

— И выходитъ по моему, что для васъ нѣтъ людей, — всѣ совы, да коровы.

— Что станешь дѣлать, бабушка, если точно похожа.

— Эхъ, сказала-бъ я вамъ, продолжала она, качая головою, да словъ терять не стоитъ!

— Ну самою собой разумѣется, не стоитъ на глупости; я и слушать не стану, а ступай лучше съ Богомъ куда ты тамъ хотѣла, да только поскорѣе.

Мать моя удалялась и черезъ пять минутъ все шло уже по прежнему: крикливый ея голосъ звенѣлъ, какъ колокольчикъ, во всѣхъ этажахъ мрачнаго и огромнаго дома, отецъ опять сидѣлъ, углубившись въ газету и дымъ изъ его трубки потихонько коптилъ, да коптилъ потолки.

Между тѣмъ, какъ родители жили, мирясь и ссорясь на своей половинѣ, мы съ сестрою поживали, какъ птички въ тѣсной клѣткѣ, подъ строгимъ руководствомъ нашей брюзгливой няни, крутой и своенравной, но

стоявшей въ значительномъ фаворѣ у матушки, за что? — не знаю, право: вѣрнѣе всего за прежнюю, за бывалую службу, потому, что съ тѣхъ поръ, какъ я живу на свѣтѣ, она уже не знала ни царскаго, ни барскаго, отдыхая на лаврахъ своихъ прежнихъ заслугъ, говоря, то-есть по-просту, на широкой лежанкѣ, гдѣ проводила дни, все ворча и бранясь на меня и сестру. Но власть надъ нами няни не всегда проявлялась только въ крикѣ да бранн; она очень нерѣдко прибѣгала и къ болѣе дѣйствительнымъ мѣрамъ; теребила насъ за уши, и въ экстренныхъ случаяхъ, къ стыду прежней небрежности въ воспитаніи дѣтей, заводила насъ въ тѣсную и темную каморку, гдѣ хранилось у ней худое и доброе, и тамъ расправлялась съ нами по своему и какъ душѣ хотѣлось; а душа моей няни была ненасытная!

Замѣчу, впрочемъ, къ слову, что всѣ эти взысканія заключались въ предѣлахъ первыхъ лѣтъ моей жизни и относились ко времени, когда я была такъ мала и глупа, что сидя за обѣдомъ, не могла совладѣть еще съ ножемъ и вилкою, и няня, стоя съ боку, брала за меня кушанье и рѣзала все то, что приходилось рѣзать. Подобная обязанность волновала въ ней желчь сильнѣе, чѣмъ все другое и, когда блюдо съ кушаньемъ, подобнаго разбора, обойдя моихъ старшихъ, приближалось ко мнѣ, она шептала мнѣ толкая меня въ спину своимъ костлявымъ пальцемъ: « *слышь, постриль, не бери.* »

Въ послѣдствіи времени, когда я и сестра стали обѣ по старше, мы своевольно свергли иго нянниной власти, но тогда мы суда на нее не искали, да по правдѣ сказать, гдѣ и было искать! У покойницы матушки? До того-ли ей было! Все утро проходило въ со-

вѣщаніяхъ съ Ѳомою, потомъ шла толковня съ Ариною Кузминичною, интимныя бесѣды съ Степанидою Петровною. А сколько еще было второстепенныхъ лицъ, сколько другихъ заботъ, какъ дня-то доставало? Да притомъ же вообще, мать была холодна ко мнѣ и къ сестрѣ и неразъ говорила во всеобщее услышаніе:

«Терпѣть не могу всѣхъ этихъ Николаевенъ, Михайловенъ, Петровенъ, всѣ эти дѣвченки — все страшная дрянь; заботишься объ нихъ, а награды не жди, чуть подымится на ноги, объ томъ только и думаютъ, какъ бы выскочить замужъ; завѣется куда нибудь за тридевять земель, вотъ вамъ и утѣшеніе! а въ дѣвкахъ засидитъ, такъ тоже толку мало. Нѣтъ, сынъ какая разница? И сравнивать грѣшно.»

На основаніи подобныхъ убѣжденій, мы съ сестрою оставались всегда на заднемъ планѣ ея думъ и заботъ, не исключая мелочныхъ; всю любовь, всю заботливость, она безраздѣльно отдала сыновьямъ; для нихъ наживала, сберегала, копила, хлопотала безъ-устали, тянулась изъ жилъ. Ея рѣдкимъ и страннымъ вниманіемъ къ намъ, мы бывали обязаны исключительно радостнымъ домашнимъ событіямъ, эфектно-ли удавшійся хозяйственной аферѣ, извѣстію объ отличіи кого-нибудь изъ братьевъ тамъ чему бы то нибыло, но при всѣхъ такихъ случаяхъ, она обращалась къ Аринѣ Кузминичнѣ:

«Арина Кузминична! Дай-ка нынче дѣтишкамъ рябиннаго варенья!»

Эта вѣсть разносилась по всей обширной дворнѣ: въ ней крылась nec plus ultra благосклонности матушки.

Во всегдашнемъ же будничнемъ обращеніи съ нами, она была строга, даже больше, чѣмъ надобно и чинила расправы, по жалобамъ на насъ, безъ всякихъ разбирательствъ и оправданій.

Судите же послѣ этого, какъ мы боялись матушку и какъ старались скрыть отъ свѣденія ея и шалости наши и случайности шедшія объ руку съ ними.

Разъ, теперь еще помню, я бѣгала въ саду и круто повернувши въ боковую алею, наскочила съ разбѣга на тонкую веревку натянутую поперегъ двухъ куртинъ: я перехватила себѣ горло до кости, но мысль о гнѣвѣ матушки дала мнѣ силу снесть съ стоическимъ терпѣніемъ страданія этой раны. Дѣло, впрочемъ, уладилось безъ всякихъ затрудненій: мнѣ надѣли на шею широкую бархотку и покойница матушка неузнала причины порядочнаго шрама, охватившаго мою шею почти вплоть до затылка и перешедшаго уже долго спустя въ едва только замѣтный, бѣленькій рубчикъ.

Отецъ мой, не смотря на всю свою суровость, любилъ насъ очень искренно, хотя любилъ по своему, какъ будто бы невидя, не замѣчая насъ. Ласкалъ онъ насъ рѣдко изъ года въ годъ щелчкомъ, ласково сказаннымъ названіемъ дура, или тамъ чѣмъ прійдется, въ томъ же тонѣ и родѣ; но во всѣхъ нужныхъ случаяхъ, защита его не измѣняла намъ; я сознавала это и, всякій разъ, какъ шалость по отчаянѣе прочихъ дѣлалась гласною въ кругу нашихъ домашнихъ, я отправлялась когда прямо къ отцу.

Когда я входила вся блѣдная отъ страха, онъ мнѣ молча указывалъ на мѣсто за собою и продолжая читать свою газету, посматривалъ на дверь, въ которую скоро входила моя мать съ хворостиною въ рукахъ.

Пожалуйте, пожалуйте! говорила она, обращаясь ко мнѣ съ саркастическою миною, предвѣстницею бури.

— Скажи намъ прежде, бабушка, на что она тебѣ? возражалъ мой отецъ, грозно сдвинувши брови.

— На что? Вы точно маленькій! Какъ будто и не

знаете, что отъ этой дѣвченки нѣтъ ни кому житья?

— Нечего, перебѣсится, выйдетъ славная дѣвка.

— Да вы вѣрно не знаете ея новой продѣлки, вы вѣрно не слыхали, что проснувшись поутру Степанида Петровна, была плотно пришита одѣяломъ къ постели и въ огромномъ вѣнкѣ изъ пуху и перьевъ, которымъ негодяйка убрала ея голову....

— Сама же виновата! Зачѣмъ спитъ, какъ сурокъ?

— Да рѣчь-то не объ ней, а объ этой дряпной, безпутной дѣвченкѣ, которую вы сгубите, вашимъ вѣчнымъ потворствомъ. Ну, вы, какъ хотите, а я ей не спущу, да набавлю еще, чтобъ отучить ее уходить отъ меня, подъ ваше покровительство.

— Стой, бабушка, не взыщешь, если я не позволю. Ну, Маша, перестань, ступай, цалуй проворнѣе у матери руку, а я ужъ, такъ и быть, продлю недѣли на двѣ срокъ отпуска Михайлы и одинъ расплачусь за чужіе грѣхи!

Разговоръ продолжался въ миролюбивомъ тонѣ и о старой размолвкѣ забывалось до новой въ силу умной пословицы: кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ!

Въ подобные дни, въ домѣ вѣяло запахомъ рябиннаго варенья, только въ сердцѣ безстрастнаго, плѣшиваго Ѳомы, возникалъ грѣшный ропотъ на судьбу и на матушку, при видѣ страшныхъ грудъ кулебякъ, растегайчиковъ и другихъ разныхъ хитростей, на мукѣ и на маслѣ, которыми, она на радостяхъ чинила сокровище свое, ненагляднаго сына, оставленнаго ей еще на двѣ недѣли, по милости моей.

Замѣчу, впрочемъ, кстати, что защита отца, выступила такъ рѣзко за мою толко личность: въ отношеніи сестры, она была обдуманнѣе и какъ-то холоднѣе; да и сама сестра прибѣгала къ ней рѣдко, подъ силою

самолюбія, при помощи котораго, она прямо смотрѣла въ глаза взысканіямъ матушки: она не искала ни какихъ укрывательствъ, никогда не проспла участія и пощады.

Бѣдная дѣвочка! когда случится вспомнить ея умное личико, ея темно-каріе, оживленные глазки и прекрасные волосы, такіе густые, такіе шелковистые, да какъ взбредетъ на умъ и ея положеніе въ нашемъ семействѣ и всѣ тѣ страданія, которыя жизнь принесла ей въ послѣдствіи, тогда душа моя остается надолго, подъ вліяніемъ горькаго, томительнаго чувства!

Средь страннаго разлада, въ привязанностяхъ къ намъ, родителей нашихъ, одно только сердце билось равною любовью и кроткимъ снисхожденіемъ къ намъ, и сестрамъ и братьямъ и это было сердце доброй бабушки нашей. Она была всего лѣтъ на 13 старше мой покойной матери, но ужъ пятнадцать лѣтъ жила не зная выхода изъ своихъ верхнихъ комнатъ и другихъ развлеченій, кромѣ бесѣды карлицы и прибаутокъ Власьевны. Случай, лишившій мою бабушку зрѣнія, лишилъ ее вмѣстѣ возможности участія въ жизни, шумно кипѣвшей у насъ въ нижнихъ этажахъ и долетавшей къ ней только неяснымъ гуломъ шаговъ и голосовъ. Подробности его я слышала неразъ отъ той же карлицы Ѳени, обладавшей способностью людей полуотжившихъ разсудокъ и пямять разсказывать разъ по сто одну и туже исторію и тѣми же словами и съ тѣмъ же выраженіемъ.

По словамъ ее, бабушка была еще веселая и бодрая старушка, когда вдругъ, отъ простуды или тамъ отъ другой, невѣдомой причины, у нее заболѣли очень сильно глаза; домашнія лекарства и заговоры Власьевны необлегчали боли: воспаленіе противилось и му-

чило старушку. Рѣшились, скрѣпя сердце, искать другихъ средствъ помощи; привезенный изъ города невѣжда-лекаришка, далъ бабушкѣ примочку и приставилъ ей піявки не туда, куда слѣдуетъ; боль начала стихать и старушка уснула, покойнымъ, сладкимъ сномъ, но, проснувшись поутру, она была слѣпа и съ той страшной минуты зоря, полдень и сумерки слились для нея на вѣки, въ одну темную, долгую, безразсвѣтную ночь!

При этомъ разсказѣ, голосъ Ѳени звучалъ, не поддѣльнымъ участіемъ и все ея широкое, угрымое лице, принимало, въ то время, выраженіе покорной но безпредѣльной грусти.

Подъ грубою, не красивою оболочкою карлицы, скрывалось сердце, полное теплоты и добра; со дня несчастія бабушки и Ѳеня отчуждалась отъ всей нашей прислуги и стерегла старушку, какъ вѣрная собака, поила, кормила, покоила ее, что не мѣшало ей фамиліарничить съ барынею гораздо пуще прежняго и подъ сердитый часъ, нерѣдко отвѣчать ей отрывисто и грубо. Но, бабушка прощала всѣ ея недостатки, хорошо понимая что жизнь ея безъ Ѳени, была бы, по возможности, еще уединеннѣе, еще того печальнѣе. Хоть мать моя была и почтительною дочерью и усердно заботилась о всѣхъ ея удобствахъ, хоть и мы тоже дѣти любили очень бабушку и взбѣгали къ ней на верхъ, по нѣсколько разъ въ день, все же старушка знала, что минуя ея, у дочери ее много другихъ заботъ, у любви ея много другихъ близкихъ предметовъ, а мы, хоть и вертѣлись нерѣдко подлѣ нее, то все же ласки наши не столько относились къ самой личности бабушки, сколько къ запасу лакомствъ, которые она всегда сберегала для нашихъ посѣщеній. Бывало, еще дремлетъ старушка на зарѣ, а мы уже заглянемъ во всѣ шкапчи-

ки и выдвижные ящики, понаѣдимся вдоволь вчерашняго пирожнаго и убѣжимъ на цыпочкахъ, да съ половины лѣстницы уже вихремъ снесемся.

— Что, Ѳеня, были дѣти? спроситъ проснувшись, бабушка.

— А то бы еще не были? Чемъ свѣтъ вездѣ обшарили и слѣдъ давно простылъ.

— Небось! ворчала Ѳеня, кусая отъ кромы усѣянной крупно-истолченной солью, ходить-то всѣ ходятъ, а походитъ за вами, видно, акромѣ Ѳеньки всякъ рыло отворотитъ!

— Что ты, Ѳеня, ворчишь? доспрашивалась бабушка.

— Что ворчу? Ничего. Я только говорю, что жалѣльщиковъ много, а торчать-то при васъ, все я одна торчу.

— Что-жъ, Ѳеня, потерпи, авось-то Господь милостивъ приберетъ меня грѣшную!

— Не къ тому говорится, а изъ жалости къ вамъ.

— Ну, дѣти, что съ нихъ взять? А вотъ, какъ эта нюня, Степанида Петровна, какъ вамъ опомедлясь-то къ ночи притруднѣло, я и стала просить, чтобъ ночьку посидѣла; послушаешь ее, « и съ моимъ удовольствіемъ, и долгъ то христіанскій присмотрѣть за старушкой. » А тутъ опять послушаю: « не могу, другъ мой, Ѳеинька, и голова болитъ, и всю то вишъ ломаетъ! » А на низу до полночи прогоготала съ дѣвками. Видно съ тяжкой-то болѣсти, не растреснитъ ее!

— Грѣшно, Ѳеня, судить! Степанида Петровна еще во всей порѣ; никому не весело, а ей подавно скучно сидѣть съ слѣпой старухою.

— Ужъ точно что въ порѣ: вся какъ лунь посѣдѣла! Храбрится только больно. Какъ за будни посмотримъ,

такъ все разстрепою ходитъ, и изъ лица-то брюзглая; а какъ кто ни на есть изъ чужихъ наверпется, такъ Маврушка весь день нейдетъ отъ утюга: платокъ то не платокъ и платье то не платье.

— Мелешь, мелешь ты, Ѳеня, слушать даже не хочется.

— Мелю, что мнѣ молоть? Она ни енеральша, ни госпожа какая, весь свой вѣкъ свѣковала на барскія подачки...

И долго еще тороторила Ѳеня, а бабушка дремала, молчала или думала подъ шумомъ ея рѣчи кончавшейся всегда за послѣднимъ глоткомъ ея сытнаго завтрака; тогда Ѳеня вставала и молча клала въ землю три земныхъ поклона: потомъ ужъ принималась за чистку и приборку бабушкиной спальни и маленькой прихожей, гдѣ лежали въ сторонкѣ ея коровій войлокъ, засаленный псалтирь и разныя разности, по рукодѣльной части. Весь день она пряла или быстро вязала коротенькими пальцами свой крошечный чулокъ. Съ наступленіемъ сумерокъ, Ѳеня клала работу, зажигала лампаду и, усѣвшись на коврикѣ подлѣ постѣли бабушки, принималась за чтеніе псалмовъ царя Давида!

Это чтеніе было пробнымъ камнемъ терпѣнія и бабушки и Ѳени: грамота окончательно не далась бѣдной карлицы; какъ ни билась съ нею бабушка и какъ ни старалась сама ученица постичь ея премудрость. Несмотря на многолѣтніе труды и толкованіе, Ѳеня читала дурно, всегда въ слухъ по складамъ, да и на тѣхъто путалась: трехсложные рѣшительно сбивали ее съ толку.

— Ну, Ѳенюшка, читай, да уже только, пожалуйста, старайся по разборчивѣе? Говорила ей бабушка каждый разъ съ одинаково-одобряющею ласкою.

И Ѳеня начинала читать скороговоркою:

— Буки люди азъ-бла, глаголь онъ-го благло....

— Ты читаешь одно, а говоришь другое: сложика еще разъ.

— Буки люди азъ-бла, глаголь онъ-го, благро....

— Что ты, дурища, мелешь, прочти-ка еще разъ! Говорила ей бабушка съ невольною досадою.

— Буки люди азъ-ба, глаголь онъ-го.

— Людей опять украла, перебивала бабушка.

— Было бы что еще красть! Ихъ, видно, тутъ и не было, мнѣ бы равно читать, оправдывалась Ѳеня.

— Ну, да, видно, что небыло. Ну, вотъ, столкуйтесь съ нею? Ну, читай-же, читай! Авось-то, Господь милостивъ, дальше лучше пойдетъ!

И Ѳеня продолжала съ усиленнымъ вниманіемъ:

Буки люди азъ-бла, глаголь онъ-го, слово люди онъ-сопъ....

Ты Бога не боишься: ну, какой же тутъ сопъ? Въ грѣхъ, право, вводишь, Ѳеня: ужъ больно безтолкова!

— А грѣшно, такъ не слушайте! Ишь вы, право, какіе! Небось сама бы рада, чтобъ выходило ладно, да ишь ихъ тутъ насложено: кто авось и пограмотнѣе и тотъ поймetъ не съ разу.

И правда твоя, Ѳеня! Ну читай же, читай я ужъ мѣшать не стану.

Старушка обернется потихонько къ стѣнѣ и лежитъ притаившись, какъ и нѣтъ въ комнатѣ, а Ѳеня продолжаетъ на просторѣ уродовать и слоги и слова.

— Что тамъ такое, бабушка, ты ни какъ тамъ гудешь? обращался отецъ въ диванную, гдѣ матушка сидѣла въ тиши сумерокъ въ раздумьи надъ сдѣланнымъ и предстоящимъ дѣломъ.

— Я еще слава Богу, не спятила съ ума, хоть и пора бы, кажется. Вы ни вчера родились: пора бы примѣниться, что это безмозглое чучело Ѳенька гудетъ опять свое. И видно, что охота сильнѣе всякой неволи: а въ гробъ пойдетъ такою же безграмотною дурындою!

Вечеркомъ, келья бабушки замѣтно оживлялась, а часъ бывало внизъ и пряникомъ не сманишь: сначала прибѣжитъ разкосая Маврушка, принесетъ сомаваръ и при удобномъ случаѣ, разскажетъ теткѣ Ѳенѣ каждый взглядъ, каждый шагъ Степаниды Петровны; потомъ прійдетъ туда же Арина Кузминишна, чтобы прогнать по-зашеямъ разкосую Маврушку; прійдетъ такая грозная, а дальше слово за-слово забудетъ про Маврушку и всю свою команду, да и распуститъ балы, какъ и простая смертная; успѣвай только слушать всѣ новости по дому, по кухнѣ и по дворнѣ; ну и господъ коснутся: не святые-жъ они, а все такіе-жъ грѣшные, а разобрать по жилкамъ, такъ еще чего добраго, кто кого перетянетъ. Ужъ гнѣвный голосъ матушки взведетъ на умъ Кузминишны забытую обязанность: не успѣешь опомниться, а она ужъ летитъ, какъ бомба, внизъ по лѣстницѣ, гонитъ въ шею Маврушку и читаетъ ей вслѣдъ: «вишь разкосая шельма, я ждать-да-подаждать, а она, какъ и путная, туда-жъ пустилась въ розсказни.

Не замѣтишь, бывало, какъ время пролетитъ вплоть до прихода Власьевны, въ дни когда, разумѣется, ей случалось прійдти, потому, что у Власьевны, кромѣ почетной должности собесѣдницы бабушки, лежало на рукахъ куча разныхъ заботъ: родитъ-ли кто въ селѣ, бѣгомъ бѣгутъ за Власьевной; случится ли пропажа? и Власьевна разскажетъ, какъ дважды-два-четыре, кто взялъ и куда сбылъ. А пострѣлъ приколоть, отчитать отъ припадка, умыть ребенка съ глазъ, все Власьевна,

да Власьевна: гдѣ крестомъ, да молитвою, гдѣ ересью прихватитъ, все на бѣдность годится: ее понавидалась старуха на вѣку: то осталась вдовою да все съ малыми дѣтками, билась съ ними да горилась, покуда не взростила; а тамъ Божіею милостію, да помощію господскою, пристроила ихъ замужъ. Но своими руками, видно, счастья не сложишь! Обѣ дочери Власьевны, въ одинъ годъ овдовѣли, да у каждой осталось съ полдюжины ребятъ. Выла, выла старуха и принялась за дѣло: гдѣ гривну, гдѣ алтынъ, все въ домъ, да въ домъ тащитъ; и покойница матушка, грѣхъ сказать, помогала, и отъ бабушки тоже кое-что перепадало, а мы-то ужъ, конечно, чѣмъ попало, тащили тихонько ей въ карманъ: разъ, какъ-то, второпяхъ, и матушкинъ чепчикъ туда же запопалъ: насилу оправдалась, да выбожилась Власьевна. А все сказки вины; да ужъ и сказки Власьевны? Любо, дорого слушать, словно бисеромъ нижетъ; и бабушка задремлетъ, и Феня прикурнетъ, а мы сидимъ, да слушаемъ и сонъ нейдетъ на умъ. Не даромъ говорили ея злыя завистницы, что иной, въ цѣлый годъ, того не заработаетъ, что она заработаетъ въ недѣлю язычкомъ; ну, да Власьевна знала, что хоть судятъ и рядятъ ея грѣшныя кости, а какъ прійдется скрутно, то все-жъ прійдутъ за нею, еще въ поясъ поклонятся: « на, только пособи! »

Для меня наша Власьевна была тогда предметомъ еще многихъ другихъ пріятныхъ развлеченій, какъ всѣ въ ея быту, старуха слѣпо вѣрила и въ вѣдьмъ, и въ привидѣній, и въ прочія бредни, людскаго суевѣрія, а я, въ былые годы, любила безъ ума запопасть въ тѣсномъ мѣстѣ, того, кто по трусливѣе, задать ему испуга и подъ защитою ночи ускользнуть непримѣтно, чтобъ самой не досталось, если-бъ пришлось попасться

въ тиски допросовъ матушки. Наклонности моей сильно способствовала врожденная отвага, подъ вліяніемъ которой мнѣ были ни почемъ и темъ глухой полночи, и могильныя насыпи и даже, что подъ ними. Да и привычка тоже: церковное кладбище раздѣлялось съ усадьбою только тѣснымъ проулкомъ, я съ дѣтства присмотрѣлась къ этимъ безмолвнымъ сторожамъ, надъ прахомъ моихъ праотцевъ, къ этимъ мѣднымъ крестамъ, къ этимъ бѣлымъ колоннамъ, ко всей мрачной поэзіи могильной тишины, надъ шумнымъ гуломъ жизни, кипѣвшей за кладбищемъ! Одинъ взглядъ моей матери ледѣнилъ во мнѣ кровь сильнѣе всѣхъ остововъ, дотлѣвающихъ мирно у меня подъ ногами. Бывало лѣтнимъ вечеромъ запрячешься отъ поисковъ дворовыхъ ребятишекъ въ промежутокъ могилъ, которыя повыше и гдѣ трава погуще и сидишь притаившись, покуда не отыщатъ иль самой не прискучитъ. Для Власьевны подавно и дольше продежуришь, обмокнешь и продрогнешь, все бывало за благо, лишъ бы пришлось порядкомъ ошеломить старуху. Чуть, бывало, заслышу вдали ея походку, сейчасъ стану за памятникъ, распущу подлиннѣе шлейфъ широкаго савана, изъ двухъ сшитыхъ простынь и стою въ позѣ призрака, пока Власьевна взвизгнетъ и полетитъ стрѣлою прямо вдоль по проулку; ужъ тутъ махну скорѣе черезъ широкой валъ, окольною дорожкою вокругъ сада, да во дворъ: я же первая встрѣчу ее въ прихожей бабушки, мнѣ-жъ Власьевна разскажетъ съ приличными прикрасами, какъ мертвецъ гналъ за нею почти вплоть до калитки, да спасибо, успѣла захлопнуть ее скоро, а то было совсѣмъ за шиворотъ схватилъ.

По простотѣ своей старуха относила всѣ свои приключенія, на счетъ давно умершаго пономоря Ивана: былъ

ей прежде сосѣдомъ; ну, знаете, не ладили, такъ на сердцѣ осталось и смерть не примирила.

« Да, онъ, ужъ больше некому, говаривала Власьевна съ глубокимъ убѣжденіемъ, я по однимъ глазамъ изъ тысячи узнаю. И при жизни, покойникъ, не тѣмъ-то будь помянутъ, ни курамъ, ни цыплятамъ, нѣтъ никому проходу, да знать и по сю-пору не въ чистую спокаялся: и самъ сердечной мается, да и людямъ-то добрымъ нѣтъ отъ него жила !»

Ужъ въ послѣдствіи времени, я своею доброю волею поразсказала Власьевнѣ продѣлки на кладбище, и то съ трудомъ повѣрила ! Ну, ужъ за то, увѣрившись, начала просить слезно у памяти покойнаго не попомнить ей, грѣшной, за напрасный поклепъ, все умаслить старалась панихидку съ акафистомъ хотѣла отслужить.

Прошелъ годокъ, другой: сестрѣ было лѣтъ 9-ть, а матушка задумала по присадить ее построже за работу; и мысль и исполненіе шли у нея тѣсно рядомъ и на другое же утро сестра уже сидѣла, склонившись низко къ пяльцамъ, хорошенькою головкою. « Тамъ хочешь или не хочешь, а выучись, хоть тресни, а урокъ подавай !» Таковъ ужъ былъ обычай моей покойной матушки, прожила съ нимъ вѣкъ цѣлый, не стать мѣнять подъ старость ! Жаль мнѣ было сестру и сердце больно ныло, пока не перестало.

Я осталась на время одною праздною личностію въ этомъ домашнемъ омутѣ нескончаемыхъ дѣлъ и, вполнѣ понимая, что мнѣ не миновать грустной доли сестры, я рѣшилась не потерять задаромъ послѣдніе золотые часы моей свободы. Я сдѣлалась отчаяніемъ не одной нашей дворни, но цѣлаго села, опираясь отнынѣ на одну свою силу и на сознаніе трудности изобличить меня. Въ суровой школѣ матушки я рано поняла, что безъ сметки, да

хитрости, куда плохо житье! Польза истины этой, конечно, чисто-ложной при другихъ обстоятельствахъ, была мною извѣдана сначала на мелкихъ, потомъ уже на болѣе значительныхъ продѣлкахъ. Да одно къ одному, какъ ужъ заладитъ клеиться, такъ ужъ одна удача пошибаетъ другую: въ числѣ полу-десятка новобранокъ-дѣвченокъ, вступающихъ на мѣсто выбывающихъ швей, я отличила двухъ; обѣ страшно лѣнились и были вѣчно правы. За два десятка яблокъ, да жареную утку, похищенную мною изъ-подъ носа Кузминичны, обѣ стали мои со всею изворотливостью, съ совершенною готовностью изобрѣтать проказы и главное съ умѣньемъ опускать концы въ воду: въ немъ была наша сила, при помощи условія, не выдавать другъ друга. Этотъ тройной союзъ сохранилъ свою силу надолго въ нашу будущность. Лѣнивыя дѣвченки превратились въ послѣдствіи въ усердныхъ, ловкихъ горничныхъ и добровольно кинули родимое село, чтобъ слѣдовать за мною, когда я вышла замужъ. Обѣ были пристроены съ порядочнымъ приданымъ, обѣ кончили дурно, никто не виноватъ: одна то, овдовѣвъ, рехнулась отъ любви къ забродягѣ-солдату, другая хоть и съ мужемъ, ну, да мужъ мужу рознь; прокутилъ ея деньги, да не объ нихъ ужъ толкъ: хоть бы ребра оставилъ, такъ и въ тѣхъ недочетъ!

Тогда-то всѣ мы были немного чѣмъ побольше вотъ, этаго стола; о томъ только и думали, какъ бы ловчѣе сыграть какую нибудь штуку, да поскорѣе дождаться счастья краснаго лѣта, да рабочей поры, когда весь народъ поуберется въ полѣ и у самой-то матушки голова такъ забита скирдами и крестцами, что она поневолѣ махнетъ рукою, на прочія домашнія дѣла: и смотритъ-да невидитъ; для насъ поры веселаго и шумнаго раз-

долья, свободной бѣготни по полямъ и лѣсамъ и вольныхъ набѣговъ на гумна, огороды и дворы поселянъ. Все пусто и прикинуто, хозяйничай, кто хочетъ, одинъ Богъ стережетъ!

Знай-ка тогда мы будущность, не бывать-бы тому, что бывало въ то время, кромѣ страшной натяжки, вспомнить было бы не начѣмъ невозвратную молодость!

Досадное время, какъ оно пролетѣло! А вотъ какъ иной разъ такъ и съ мѣста не идетъ! Не успѣла опомниться, какъ ужъ гроза повисла надъ моею головою: въ одно гадкое утро, когда солнце свѣтило съ небывалою яркостью и соловьи щелкали въ зеленой чаще сада, такъ что просто досадно, меня многогрѣшную увлекли почти силою и мокрую, распухшую отъ пролитыхъ слезъ, представили предъ взоры моей покойной матери, сидѣвшей въ швейной комнатѣ съ Степанидой Петровною. Наставленіе ея было, какъ и всегда, такъ коротко и ясно, что слезы мои живо убрались во свояси; меня усадили тутъ же прямо за пяльцы и начали водить по мытарствамъ фестоновъ, настилокъ и рѣшетокъ всѣхъ видовъ и всѣхъ націй!

Къ концу того же года, когда ужъ я постигла ихъ тонкую премудрость, что очень повозвысило меня въ понятіяхъ матушки, я тихо перешла во второй періодъ моего воспитанія. Огромный, неуклюжій чудакъ-семинаристъ, незнаю, гдѣ отрытый, научилъ меня грамотѣ: читать, писать, считать, однимъ словомъ всему, что существенно нужно для каждаго изъ насъ. Да и отецъ въ то время заставлялъ меня часто прочитывать ему разныя разности, все больше изъ исторіи, такъ что я незамѣтно понабралась познаніямъ себѣ наудивленіе. И все шло, какъ по маслу, пока судьбѣ не вздумалось вывернуть всѣмъ намъ крючка.

Въ тѣ уже годы, сѣмя французскаго вліянія пускало въ тихомолку свои крѣпкіе корни въ почву русской земли; и тогда уже многіе начинали подумывать и обживаться съ мыслью объ иномъ воспитаніи на иноземный ладъ, но матушка о немъ слышать не хотѣла; она ненавидѣла всѣхъ вообще иностранцевъ совсѣмъ ожесточеніемъ старинной русской женщины и всѣхъ ихъ, безъ разбора, называла всегда однимъ общимъ названіемъ бунтовщиковъ, мошенниковъ, грабителей и прочіе. А матушка была не такой руки женщина, чтобъ любить перемѣны, тѣмъ больше въ убѣжденіяхъ, упроченныхъ вѣками и, такъ сказать, врожденныхъ: чтобы могло, казалось, служить вѣрнѣе ручательствомъ за то, что ни одно иностранное слово не дерзнетъ потревожить древне-русскаго духа, которымъ были полны до камня основанія стѣны нашего мрачнаго и угрюмаго дома, да оно такъ и было бы, еслибъ, многія важныя событія въ нашей жизни не зависелн часто отъ сущихъ мелочей.

Одна сосѣдка матушки, впрочемъ, довольно дальняя, вдругъ наняла мамзель. Ну, между ею и матушкою еще издревле шло не то, чтобъ вовсе ладно, какая-то глухая, безъ-исходная распря, ну, короче сказать, вѣкъ бились тянулись, чтобъ сбить другъ другу спѣсь, но силы были равны и побѣда металась то вправо, то влѣво, не рѣшаясь пристать къ одной сторонѣ. Смерть вѣрнѣе разсудила: прибавила сосѣдкѣ съ пол-четверти земли, была то она ростомъ на много выше матушки и не могла улечься на равномъ съ нею пространствѣ усадьбы, на кладбищѣ.

Долго думала матушка, вся даже поблѣднѣла и будто вдругъ осунулась, но всѣ думы шептали потихоньку въ отвѣтъ: «взяла Авдотья Павловна, такъ вѣдь нельзя-жъ не взять Александрѣ Петровнѣ!» Убѣжденія всей жи-

зни разлетѣлись въ дребезги и изъ ихъ развалинъ вышла вся въ завиткахъ тщедушная фигура нашей новой наставницы M-lle Louise Meyougt. Люди были, какъ видно, и тогда тѣ же люди и самолюбіе тѣшилось и плело изъ нихъ лапти, какіе тамъ хотѣло !

Водворенье француженки имѣло натурально огромное вліяніе на нашъ домашній бытъ, но по важнѣе его было то обстоятельство, что оно нанесло значительный толчекъ душевному спокойствію моей покойной матери. Мать, хоть уступала все-властью обстоятельствъ, но на первыхъ порахъ ходила цѣлый день, какъ сама не своя и почью то ей грезились все ужасные сны: мятежи, да пожары, а ихъ главнымъ зачинщикомъ была ужъ натурально несчастная француженка, такъ что проспувшись почью, мать даже раза два посылала провѣдать : спитъ полно, или нѣтъ проклятая Мяу?

А Луиза была очень добрая дѣвушка не дальняго ума, и по своимъ понятіямъ такая же Кузминична, только инаго пле́мени. Въ ней было много странностей отчасти и природныхъ, но больше привитыхъ нелѣпымъ положеніемъ бѣдняжки въ нашемъ обществѣ. Хоть, конечно, со временемъ первоначальныя впечатлѣнія изгладились и къ Мену присмотрѣлись, какъ и ко всѣму на свѣтѣ, но червякъ подозрѣнія все сосалъ сердце матушки, въ отношеніи француженки и въ душѣ все жило болѣзненное чувство тревожнаго презрѣнія, тѣмъ болѣе тяжелое, что и излить его надъ тѣмъ, надъ кѣмъ хотѣлось, не представлялось случая : изъ сотни русскихъ словъ, Мену по большей части понимала одно и, принимая все за добро, да за ласку, отвѣчала на разные намеки и колкости самой обворожительно-привѣтливою улыбкою. Ну, да свое безсиліе уязвить иностранку, покойница матушка съ лихвою вознаграждала на русскихъ

домочадцахъ: день только что настанетъ, всѣхъ хлещетъ по глазамъ французскимъ, да француженкою; бывало къ приказанію изжарить поросенка и то ввернетъ словечко на націю Мену и пригрозитъ Ѳомѣ: « да ты смотри, каналья, изжарь не по французски, а по русски, по нашему, чтобъ шкура зарумянилась и на зубахъ трещала! »

Одна слѣпая бабушка обращалась съ Мену почти какъ съ человѣкомъ, да и сама Мену льнула къ ней инстинктивно и не могла смотрѣть на старушку безъ слезъ; за то Ѳеня косилась и слѣдила внимательно каждый шагъ иностранки, въ своихъ верхнихъ владѣніяхъ: неуспѣетъ она еще изъ вида скрыться, ужъ Ѳеня наберетъ, раздуетъ угольковъ, да и начнетъ, кадитъ по всѣмъ угламъ, бормоча по складамъ воскресную молитву. На первыхъ-то порахъ даже наша боярышня Степанида Петровна подняла было насъ передъ бѣдной Мену но послѣ обошлось: сошлись и подружились, какъ водится въ молчанку и бронзовая брошка съ стекляннымъ изумрудомъ перешла, въ одно утро, съ плоской груди француженки на роскошную грудь Степаниды Петровны.

Не говорю уже о тѣхъ милліонахъ тысячь булавочныхъ ударовъ, которыми прислуга, въ угодность грозной барыни, старалась поразить несчастную француженку: всѣ-то они, по счастью, разбивались о шлемъ глубокаго невѣденія чужаго языка; даже всѣ ребятишки, всякій разъ, какъ случалось ей выходить изъ дома, дразнили ее вслѣдъ, отвсюду такъ и слышалось все мяу, да мяу и разные распѣвы; но Мену въ этомъ случаѣ была вполнѣ мяу и говорила часто съ неподдѣльнымъ восторгомъ: Ils m'aiment ces enfants-là que c'est plaisir à voir! Chaque fois que j'entreprends mon tour de promenade, je les entends chanter et répéter mon nom! » А

этотъ туръ француженки бывалъ, по меньшей мѣрѣ, въ десятокъ добрыхъ верстъ, ну да и въ два случалось, ей и тѣ не почемъ: летитъ домой бывало весеннимъ мотылькомъ, только платье да кудри развѣваются по вѣтру, такъ что даже Оому введетъ въ соблазнъ суждения: « ишь носитъ то ее, басурманскую кровь, все они разжигаютъ ! » промолвитъ онъ сквозь зубы, да и отплюнетъ въ сторону.

Вообще Мену была-бъ отличнымъ скороходомъ, нажилась бы, какъ знать? обзавелась домкомъ, взяла-бъ, пожалуй, къ дѣтямъ такую-же, себѣ подобную Мену, но она проморгала прямое назначеніе и втесалась въ чужое, да еще въ русскій домъ 18-го вѣка: не чортъ ей виноватъ!

Жизнь, шла да шла, межъ тѣмъ, все ближе къ перемѣнамъ, которыя судьба готовила въ нашъ домъ. Сестрѣ было 12-ть; по тогдашнему времени, она была невѣста, а по своей наружности, не говоря о прочемъ, невѣста, какихъ мало на нашемъ грѣшномъ свѣтѣ: картинка, а не дѣвочка. Еще съ прошлой зимы, покойница матушка начала брать ее съ собою на вечера, по понятію матушекъ тогдашняго столѣтія, чтобъ сластей понаѣсться и свѣта повидать! Вывозили ее въ окольное сосѣдство, ну, и въ губернскій городъ, куда ѣзжала матушка очень даже нерѣдко: шелъ тамъ у нея процессъ, почти что, въ полмилліона, кушъ, знаете, порядочный, какъ было изъ чего судиться и тягаться. Эти выѣзды были чисто пыткою сестры: не весело ей было простоять битый вечеръ, за спинкою кресла матушки, да и природный вкусъ оскорблялся нелѣпостію тѣхъ выѣздныхъ нарядовъ, которые покойница черпала для нея изъ пыльнаго архива-своихъ приданыхъ платьевъ: прикажетъ перешить на талію сестры и на такой фасонъ, который

тамъ по выгоднѣе, гдѣ ушьютъ, гдѣ разставятъ, ну и на ростъ, конечно, совсѣхъ сторонъ прибавятъ, а въ изрѣзъ, не прогнѣвайтесь и вершка не попустятъ : хоть куль-кулемъ ходи.

Я говорила вамъ, что сестра еще въ дѣтствѣ смотрѣла очень смѣло въ глаза взысканіямъ матушки, теперь, какъ шевельнулись къ тому и самолюбіе и женское кокетство, такъ еще передъ нею куда, какъ расхрабрится: вчужѣ бьетъ лихорадка! Да, матушка, спасибо, не труслива была и непускала въ даль никакихъ объясненій: прочтетъ бывало тутъ же сестрѣ нравоученіе и все по пріутихнетъ, посадятъ, рабу Божію въ прадѣдовскій рыдванъ и повѣзутъ въ собраніе : « плачь тамъ, если угодно ! »

Почти что въ это время сталъ ѣздить къ намъ въ деревню мужчина, очень видной, значительной наружности, весь въ крестахъ да въ чинахъ. Онъ былъ тогда уже не молодъ и волосы его слегка засеребрились. Гостя этого, матушка встрѣчала такъ привѣтливо, какъ никого на свѣтѣ; тамъ, ужъ, Богъ одинъ вѣдалъ ея скрытыя цѣли, ну, да минуя ихъ у ней были на это и многія открытыя резонныя причины. Не довелось ей видѣть всѣхъ тѣхъ высокихъ почестей, которыхъ онъ достигъ уже позднѣе въ послѣдствіи, но онъ тогда уже былъ, по связямъ и богатству, замѣчательною личностью, во всей нашей губерніи : служилъ на третій выборъ губернскимъ предводителемъ, да, замѣтьте дворянства того былаго времени, когда и въ нашей братьи тузъ пошибалъ туза.

Имѣніе, гдѣ онъ жилъ, граничило съ заставою : кто только въ городъ ввалится, все къ нему, да къ нему. А у него тамъ лѣтомъ и травли, и гулянья, и воздушный театръ и два оркестра музыки, чего тамъ только не

было, въ этомъ земномъ раю? Ужъ, нечего сказать, гдѣ только нужно было, ничего не жалѣлъ, кидалъ горстями золото! Вообще, что тутъ разсказывать, былъ человѣкъ прозорливый и тонкій дипломатъ, отъ головы до пятокъ.

Онъ ѣздилъ къ намъ, сначала такъ просто на правахъ хорошо знакомаго и, хотя и оказывалъ сестрѣ моей вниманіе, но смотрѣлъ на нее почти какъ на ребенка: привозилъ ей канфекты, блестящія бездѣлки и, даже, поощряя въ ней женское тщеславіе, убѣдилъ мою матушку на многія реформы въ ея бальныхъ нарядахъ; потомъ, дождавшись времени, онъ сдѣлалъ предложеніе и получилъ согласіе, хоть то и другое обошлось въ духѣ матушки, безъ свѣденія сестры. Когда все дѣло было рѣшено и положено и день вѣнца назначенъ, ей объ немъ объявили наровнѣ со всѣми прочими, но покойница матушка и тутъ напослѣдяхъ не выдала себя и, роясь въ сундукахъ разсуждала съ Кузминичной: « уменъ Андрей Ѳедоровичъ, человѣкъ рѣдкихъ свойствъ, а вѣдь вздумалъ же выбрать подобную супругу: гдѣ ей быть предводительшею? что, дрянь еще, дѣвченка, одни только наряды да плясы на умѣ!» Ну, да, какъ бы тамъ небыло, а тщеславью матушки льстилъ сильно этотъ зять и блескъ его крестовъ и его предводительства.

Сестра была обвѣнчана, а года черезъ три, она уже разсталась съ блистательнымъ супругомъ и съ дѣтьми переѣхала на житье въ Петербургъ, гдѣ жила очень скромно небольшими доходами съ приданаго имѣнія; изъ имѣнія же мужа, изъ всего его золота, къ чести ея будь сказано, не взяла ни копѣйки: все бросила съ презрѣніемъ во власть смуглой танцовщицы, на которую

онъ, прости его Господи, такъ скоро промѣнялъ ее, мою голубку!

Сестра давно ушла отъ всѣхъ страданій жизни, отъ яда всѣхъ клеветъ, которымъ свѣтъ преслѣдуетъ положеніе женщины молодой и хорошенькой и поставленной въ обществѣ безъ всякаго прикрытія, кромѣ долга да совѣсти да всѣ знанія Божьяго и лежитъ въ уголкѣ, въ мирѣ одной пустыни подъ мраморною плитою, съ простою надъ ней надписью: нашей доброй матери! такого-то года, такого-то числа.

Съ легкой руки сестры, женился тутъ же вскорѣ Николай самый старшій изъ всѣхъ моихъ братьевъ, а тутъ второй Василій, соблазнившись примѣромъ, ошеломилъ всѣхъ насъ женитьбой, по любви на смоленской дворянкѣ. Судьбой было назначено, чтобъ матушкѣ не знать ни покоя, ни отдыха со дня вступленія въ домъ француженки Меню. Братья вышли въ отставку, пришлось ихъ отдѣлить. Отецъ теперь подавно ни во что не мѣшался, поотсталъ отъ газеты, только курилъ по прежнему и все на прежнемъ мѣстѣ. Пришлось все ей одной придумать и устроить. А тутъ еще невѣстки прибавили хлопотъ: со второй у нея шли еще кое-какъ лады; хоть покойница матушка называла ее понурою и молчуньею, на томъ же все кончалось: бабенка была скромная, не попривыкла къ холѣ, ну и любила въ братѣ все близкое ему; но жена Николая приводила рѣшительно покойницу въ отчаяніе и, своимъ направленіемъ и рѣшительною смѣлостію, съ какою защищала современныя мнѣнія, противъ крѣпкихъ повѣрій и понятій старушки; защиту эту матушка считала вольнодумствомъ, прямой дорожкою въ ссылку и, слушая невѣстку, говорила съ глубокимъ, сердечнымъ убѣжденіемъ: «нѣтъ не минетъ

острога и мужа-то погубить! Да ему такъ и надобно: самъ распустилъ поводья, такъ самъ и отвѣчай! »

Сильно тоже коробила глаза моей покойницы манера обращенія невѣстки съ ея мужемъ, а главное привычка и въ русскомъ разговорѣ коверкать его имя, на французскій манеръ:

« Какой онъ Nicolas, говаривала матушка съ живымъ негодованіемъ, онъ цѣлый Николай, ей бы его и по батюшкѣ и то-бъ не грѣхъ назвать! Ну, тамъ въ спальной своей, зови его, какъ хочешь, ну, да при всѣхъ-то разница: ни къ чину, ни къ сложенію, ни къ чему не пристало, да и усы-то такіе страшные отпустилъ; какъ она не фыпти, за него даже совѣстно, да просто неприлично! »

Незнаю, какъ бы сладила покойница матушка съ моей третьей невѣсткой? За грѣхи видно, Богъ не привелъ ей дождаться счастья, видѣть женатымъ, а главное въ отставкѣ меньшаго и любимаго изъ всѣхъ сыновей! По страннному, въ самомъ дѣлѣ, сцѣпленью обстоятельствъ, братъ Michel продолжалъ все служить и служить и взбираться по лѣстницѣ, ведущей въ генеральство. Ужъ много лѣтъ спустя, послѣ кончины матушки, онъ женился на бѣленькой и хорошенькой куколкѣ, служившей украшеніемъ гостинной, ея гордаго, и пузыремъ раздутаго отца-аристократа.

Теперь, когда сказала о нихъ все то, что нужно, приходится приняться за собственный романъ, хоть, по правдѣ сказать, куда какъ не хотѣлось бы поднимать эту старую, старинную исторію, теперь, когда и сердце сжилось съ иною долею, и слово-то любовь звучитъ ужъ какъ-то странно, и на носу очки, и на умѣ не то!

Усадьбы, моихъ братьевъ, совсѣмъ уже отстроились здѣсь же, ввиду, въ селѣ, на двухъ большихъ буграхъ,

неизбѣжною свитою вновь разбитыхъ садовъ и, братья мои, съ женами, дѣтьми и домочадцами стали жить поживать, какъ тамъ, кому хотѣлось, сгоряча принялись хозяйничать на славу, ну и видались рѣдко, развѣ только по праздникамъ, да и то невсегда. Нашъ старый, мрачный домъ, замѣтно опустѣлъ, и сталъ еще угрюмѣе, чѣмъ въ то былое время, когда я и сестра жили въ немъ подъ грозою, давно умершей няни, подъ гулъ чтенія Ѳени и сказокъ старой Власьевны. И онъ, и въ немъ живущіе шли быстро къ разрушенію : отецъ былъ старъ и слабъ, Мену, у насъ ужъ не было; послѣ свадьбы сестры покойница матушка отпустила ее, давши ей, сверхъ условнаго, широкій ткацкій холстъ и 100 рублей награды вѣрнѣе всего за то, что она во время не сдѣлала поджога, не учинила даже и тѣни мятежа. Да, Мену, что ей дѣлалось ? одобреніе матушки открыло ей дорогу во всѣ дома въ уѣздѣ, всѣ на расхватъ тащили, какъ право уцѣлела, со временемъ еще открыла пансіонъ. Степанида Петровна за мѣтно измѣнилась; крещенскій снѣгъ сѣдинъ такъ убѣлилъ ей голову, что всѣмъ былымъ причудамъ пришлось сказать прости ! И самая Кузминична, и та-то поздалась и все смотрѣла вонъ изъ хлопотливой должности на отдыхъ да на печь. А бабушка моя, хоть еще жила, но въ чертахъ изсхудалаго, прозрачнаго лица, было что-то холодное и страшно неподвижное, какъ въ чертахъ мертвеца; одна только матушка еще ходила козыремъ, ну, да она, пожалуй, за полчаса кончины, отходную прослушала, все стоя на ногахъ. Я осталась единственнымъ существомъ въ нашемъ домѣ, полномъ жизни и силы въ толпѣ живыхъ развалинъ и остововъ былаго.

Конечно, моя доля, при такой обстановкѣ, была не такъ завидна и вовсе тяжела, но меня съ нею мирили :

во-первыхъ совершенное незнаніе другой, во-вторыхъ и привычка безпрестанной натяжки, въ которой протекло мое былое дѣтство, да и не одно оно! Покойница матушка и тутъ-то продолжала держать меня на привязи безусловной покорности, всѣмъ ея убѣжденіямъ, морила цѣлый день за срочною работою и въ высокую милость, вмѣняла мнѣ въ обязанность, замѣнить ея глазъ, при солкѣ огурцовъ или другой подѣлкѣ, такой же крайней важности. Да и самая молодость, чего она не скраситъ своими золотыми и радужными снами? Подавленная мрачностью лицъ, меня окружающихъ, врожденная моя безпечность и веселость брали верхъ надъ всѣмъ прочимъ, какъ только скоро вырвавшись на просторъ и на волю, я теряла изъ виду, а вмѣстѣ и изъ мысли нашъ старый, мрачный домъ. Живая, беззаботная, какъ рѣзвая ласточка, лечу стрѣлою бывало, вдоль вѣковыхъ аллей необъятнаго сада или въ кленовой лѣсъ, чернѣвшій темною тучею на сѣверѣ села.

Такъ или почти такъ шло долго мое время, разнообразясь изрѣдка размѣномъ посѣщеній съ деревенскимъ сосѣдствомъ и еще того рѣже, поѣздкою на недѣлю въ весь блескъ и роскошь жизни, скрывавшія страданія, въ которыхъ изнывало сердце бѣдной сестры; да оттуда бывало унесешь каждый разъ томительное чувство: не уѣзжать ужъ лучше бы изъ угрюмаго дома, отъ этихъ мрачныхъ лицъ!

Въ послѣдніе два года, ко мнѣ взвалили на руки еще одну обязанность, довольно хлопотливую: покойному отцу поизмѣнило зрѣніе, такъ мнѣ пришлось вести его корреспонденцію, читать ему всѣ письма и подъ его диктовку, писать на нихъ отвѣты; а самъ-то онъ бывало подпишетъ только имя, да выставитъ число,

замѣтивши не разъ мою неаккуратность въ этомъ пунктѣ, столь важномъ въ понятіяхъ старика.

Разъ въ числѣ еще многихъ, пересланныхъ къ намъ съ почтою, мнѣ попалось письмо съ незнакомымъ мнѣ почеркомъ и съ петербургскимъ штемпелемъ: оно было отъ стараго сослуживца отца, такого-жъ какъ и онъ генерала въ отставкѣ, по роду-то француза, но съ молода вступившаго въ нашу русскую службу. Послѣднею связью съ дальнею, полу-забытою родиною, былъ въ старомъ генералѣ его католицизмъ; во всемъ же остальномъ, онъ давно ужъ былъ русскій въ обширномъ смыслѣ слова.

Въ концѣ всѣхъ изліяній своихъ дружескихъ чувствъ къ покойному отцу, генералъ Д... писалъ «что сынъ его Эмиль, служащій при посольствѣ, ѣдетъ на лѣто въ Крымъ и проѣздомъ туда заѣдетъ къ намъ въ деревню и передастъ отцу тѣ разныя подробности, которыхъ всѣхъ въ письмѣ изложить невозможно. А тамъ, какъ знать, что будетъ? продолжалъ генералъ. У тебя есть невѣста да и Эмилю пора остепениться! Приглянутся другъ другу, гони ихъ подъ вѣнецъ! А я впредъ согласенъ, я ужъ сказалъ Эмилю, что я умру покойно, если Богу угодно исполнить эту давнюю, задушевную мысль.»

Такъ почти въ этомъ родѣ шло до послѣдней строчки все письмо старика: въ концѣ его еще разъ подтверждалось, что Эмиль будетъ вскорѣ, тутъ же вслѣдъ за письмомъ.

Ну, вотъ тебѣ женихъ? воскликнулъ мой отецъ, съ чистосердечною радостію. Какого-жъ еще надобно? Но матери ни слова: она зла на французовъ. Пусть ужъ прежде пріѣдетъ, въ троемъ-то мы ее скорѣе уломаемъ!

Вообще ужъ въ эти годы, чувство отца къ женѣ перешло постепенно въ какую-то невольную, ребяческую робость: она однимъ возгласомъ творила изъ него все, что только хотѣла.

Согласно съ волею батюшки, покойница узнала только то объ Эмилѣ, что онъ, проѣздомъ въ Крымъ, заѣдетъ къ намъ въ деревню: за то ужъ покосилась. А денька черезъ три дорожный экипажъ въѣзжалъ легкою рысью въ парадные ворота и отецъ мой, забывши и старость и суровость, еще въ прихожей встрѣтилъ и почти со слезами прижалъ крѣпко къ груди сына своего стараго соратника и друга: даже мрачныя брови какъ-будто пораздвинулись!

Пришлось бы мнѣ тогда описывать Эмиля, такъ на вечеръ бы стало его глазъ да волосъ, да всѣхъ его дѣйствительныхъ и мнимыхъ совершенствъ! Но теперь я смотрю холоднымъ взглядомъ старости на кумиръ прежнихъ дней и скажу очень просто, что Эмиль былъ прекрасный, молодой человѣкъ, высокій, очень стройный, что въ манерахъ его было много изящества и что въ опроверженіе той быстроты и живости, которую условились признавать отличительною чертою его націи, въ движеніяхъ Эмиля была замѣтна медленность, какая-то обдуманность, даже въ глазахъ Эмиля, большихъ и очень черныхъ просвѣчивало что-то полу-грустное, будто строгое. Въ обращеніи Эмиль былъ простъ и очень вѣжливъ, но вѣжливость его въ отношеніи къ отцу оттѣнялась слегка выраженіемъ почтительной, почти сыновней ласки. Ну, да оно понятно: отецъ натолковалъ да и старикъ ласкалъ, какъ еще не ласкалъ никого въ своей жизни. Въ отношеніи матушки онъ прямо былъ поставленъ въ положеніе неловкое и даже щекотливое: она, при первой встрѣчѣ, прикрылась выраженіемъ привычнаго сарказма,

да такъ съ нимъ и осталась, а я? Да нѣтъ, избавьте, отъ скуки промежутка съ извѣстнаго начала къ извѣстному концу: я, какъ и вѣчно водится и въ жизни и въ романѣ, полюбила Эмиля тутъ же съ перваго взгляда и не прошло часа, какъ онъ сидѣлъ въ гостиной, а ужъ жизнь безъ него казалась мнѣ пуста и просто невозможна!

А впрочемъ, какъ подумаю, да припомню все бывшее, такъ въ этой безсмысленной, ребяческой любви крылся корень разумнаго, самобытнаго чувства.

Прошло нѣсколько дней по пріѣздѣ Эмиля, онъ также какъ въ началѣ, проводилъ свое время съ глаза на глазъ съ отцомъ: со мною, кромѣ размѣна ежедневныхъ привѣтствій, видался очень рѣдко и только за обѣдомъ: другихъ пунктовъ сближенія между нами и не было и быть не могло; мѣшало и тогдашнее воззрѣніе на приличіе и покойница матушка, тамъ съ умысломъ или нѣтъ, тутъ какъ на грѣхъ задумала посвящать меня въ таинства надворнаго хозяйства: развѣ темныя сумерки вгонятъ только домой. Объ Эмилѣ она упоминала рѣдко: бывало къ приказанію прибавить что нибудь изъ кушанья на ужинъ, обмолвится порою: «французишка, какъ видно, здѣсь на вѣки поселился!»

Но несмотря на все, мы оба уже знали, то-есть я и Эмиль, что нравились другъ другу.

Разъ, тутъ же скоро вечеромъ, меня позвали къ батюшкѣ: онъ былъ одинъ въ гостиной и, когда я взошла, сказалъ мнѣ очень просто: Эмиль за тебя сватается, какъ я хотѣлъ услышать, что ты на это скажешь? Мой отвѣтъ онъ ужъ знаетъ и, если ты согласна, то я пожалуй, нынѣче же поговорю со старухою. Что-жъ долго раздумывать, скорѣе, да или нѣтъ! Ну, говори же, Маша!

— Отвѣтъ мой вы, конечно, безъ труда угадаете.

— А вотъ теперь послушаемъ, что запоетъ намъ бабушка! заключилъ мой отецъ.

Вообще старикъ разсчитывалъ, что вѣсъ да и богатство его стараго друга убѣдятъ мою матушку простить его Эмилю весь ужасъ преступленія родиться отъ француза. Да что и всѣ разсчеты съ характеромъ такимъ, какимъ онъ былъ у матушки? Еще другое дѣло, будь у Авдотьи Павловны не замужнія дочери, да подверниись французъ, да получи онъ руку какой нибудь изъ нихъ, то со мною и съ Эмилемъ навѣрно повторилась бы исторія Мену. Но дочери сосѣдки всѣ уже были замужемъ, всѣ четыре за русскими, да ближними сосѣдями, хоть всѣ они не стоили и волоска Эмиля и дѣло приняло другой видъ, другой ходъ!

Не прерывая, слушала покойница матушка объясненіе отца, пока съ дружбы родителей, оно вдругъ не свернуло на сватовство дѣтей. Ужъ тутъ-то закипѣло въ старухѣ ретивое и черные глаза сверкнули въ своихъ впадинахъ, какъ два горящихъ угля!

Нѣтъ, сказала она съ глухимъ негодованіемъ, я дочери моей не отдамъ за француза: съ меня Мену довольно! И какъ подумать смѣли, что я впущу въ семейство бродягу, иновѣрца.... Да что мнѣ его вѣсъ и все его богатство: я знать ихъ не хочу и своего довольно: на правнуковъ достанетъ и тѣ не проживутъ. И хорошо богатство? Душъ даже нѣтъ за нимъ.... Одна только своя и та не православная! Вы отжили разсудокъ, такъ я же вамъ скажу: не бывать этой свадьбы! Не дамъ благословенія, отрекусь и отъ дочери и отъ ея потомства, умру, а не прощу! Вотъ вы теперь и ладьте и сватайте ее хоть за двадцать французовъ: мнѣ тутъ мѣшаться нечего, я сказала свое!

Яркая звѣздочка моей первой любви, какъ она быстро зажглась и затмилась!

На другое же утро экипажъ увозившій Эмиля въ далекій путь, выѣзжалъ легкою рысью опять въ тѣже ворота, отецъ стоялъ безъ шапки и съ крыльца все крестилъ, да крестилъ его вслѣдъ, а я, ввиду моихъ не забывшихся надѣждъ понимала одно: что онъ ѣдетъ отъ насъ, что онъ на вѣки ѣдетъ, прекрасный мой Эмиль!

Въ тотъ же день ввечеру покойница матушка отслужила молебенъ съ водосвятіемъ и съ тѣхъ поръ объ Эмилѣ не стало и помина въ угрюмомъ нашемъ домѣ, какъ будто бы его не было, какъ будто это сватовство пригрѣзилось во снѣ!

Какъ не мѣдленно и не грустно шло, да тянулось время, а право, не замѣтила, какъ еще два прибавилось къ прожитымъ ужъ годамъ. Въ это самое время, отецъ вашъ, заключивши служебную карьеру, поселился въ деревнѣ, не вдалекѣ отъ насъ. Не знаю, сколько времени онъ жилъ на новомъ мѣстѣ, все заводясь и стараясь, какъ вдругъ вѣсть объ опасной болѣзни его матери заставила его все кинуть и стремглавъ скакать въ губернскій городъ. А путь къ нему лежалъ черезъ имѣніе матушки, осенняя распутица была во всемъ развалѣ, трактъ-то былъ не проѣзжій, изъ лошадей тѣснили, съ большимъ только трудомъ онъ могъ едва добраться до нашего селенія, гдѣ ласкою и угрозою насилу убѣдилъ спѣсиваго прикащика дать тройку лошадей до ближней деревни.

На обратномъ пути, онъ просилъ позволеніе представится матушки; пріѣхалъ въ добрый часъ, пріемъ превзошелъ всѣ его ожиданія, такъ сталъ бывать и чаще.

Я была не дурна; приданое мое, по всеобщимъ догадкамъ и еще меня лучше, ну, да и школа матушки играла тоже роль въ понятіяхъ того, кто бы искалъ въ женѣ помогу и хозяйку. Такъ чего еще проще, что отецъ вашъ подумавши, и сдѣлалъ предложеніе, конечно прямо матушки: ее ужъ онъ просилъ передать мнѣ тѣ чувства, въ которыхъ онъ конечно прилгалъ въ половину.

Ну, вотъ тебѣ женихъ! объявила мнѣ матушка, съ сіяющимъ лицемъ. Какого же надобно? Ни кто нибудь другой а человѣкъ извѣстный: его дѣды то съ нашими еще хлѣбъ-соль водили! И четыреста душъ на полу не валяются! Тутъ долго и раздумывать по моему то нечего!

Но несмотря на все, нескоро я рѣшилась дать роковой отвѣтъ: хоть отецъ вашъ конечно былъ уменъ и хорошъ, хотя любовь къ Эмилю была вообще бѣдна воспоминаніемъ счастья, все же первое чувство жило еще въ душѣ какимъ-то сожалѣніемъ, какою-то непонятною надѣждою впередъ. Конечно, пообдумавшись, кое какъ отогнала неотвязныя мысли: не вѣкъ же такъ сидѣть и ждать на зло разсудку чего ужъ не дождаться!

Перекрестясь, рѣшилась и стала подъ вѣнецъ.

День спустя послѣ свадьбы, я съ чувствомъ тихой грусти преклонила колѣни на свѣженькой могилѣ моей старушки бабушки, приняла вся въ слезахъ благословеніе матери и дряхлаго отца, взглянула еще пристально на всѣ эти предметы, съ которыми теперь такъ стало жаль разстаться: на нашъ угрюмый домъ, на мой тѣнистый садъ и долго еще долго, когда карета выбралась далеко за околицу и быстро покатилась все полемъ между пашнями, я, позабывъ о мужѣ, смотрѣла все обратно въ родимое село, покуда постепенно оно не перешло въ одну темную массу и слилось наконецъ съ синевою небесъ!

А дальше мой романъ переходитъ въ прескучную битую исторію: стали жить поживать, да добро проживать, нажитое отцовскими трудами да плечами; все били на авось, покуда и оно не измѣнило намъ, какъ все вообще на свѣтѣ. Ну, да во всякомъ случаѣ, не мы втесались первые, да и не мы послѣдніе, а по старой пословицѣ: *на міру смерть красна!*

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 14 декабря 1864 года.

Deacidified using the Bookkeeper proces
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATIO
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

LIBRARY OF CONGRESS
00023288953